

Перепечкина С.Е.
К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Социолингвистика – относительно молодая наука (выделена в самостоятельную научную отрасль в конце 60-х – начале 70-х годов), занимающаяся изучением взаимодействия языка и общества, и в междисциплинарном плане сотрудничающая с такими науками, как социология, психология, история, этнография и др. Её связь с социологией прослеживается, прежде всего: а) по содержанию, когда язык рассматривается как социальный феномен, поддающийся описанию только при учёте общественных и социальных условий жизни говорящих на данном языке, б) в методике исследования, когда практическому опыту придаётся большое значение. Основой научных суждений о языке является исследование языковой действительности в рамках определённого языкового / речевого сообщества. Сбор необходимых данных осуществляется (как и в социологии) посредством специальных интервью, проведения полевых исследований с использованием метода «включенного наблюдения», когда исследователь сам становится естественным участником данной речевой ситуации и возникающих в ней коммуникативных актов. С помощью социолингвистики были расширены эмпирические возможности языкознания. Социолингвистика обращается также к методам и приёмам целого ряда других наук, в числе которых – история, этнография, социальная психология, математическая статистика и другие общественные и естественные (точные) науки.

Поскольку всякое социолингвистическое исследование основывается на анализе взаимосвязи между языком и обществом, перед социолингвистом неизбежно встаёт вопрос о том, как, с какой позиции нужно понимать эту взаимосвязь. Этих позиций существует несколько. М. Нуссбаумер, например, различает в качестве основных следующие:

1) можно исходить из того, что язык только отражает социальные различия и неравенства, является своего рода рефлексом, отражателем процессов, происходящих в обществе. В таком случае одной из задач лингвистов могло бы стать, например, обнаружение на основе языковых феноменов очагов социальной напряженности. Другими словами, лингвистику можно использовать как диагностическое средство;

2) можно исходить из предположения, что социальные неравенства создаются самим языком либо в результате неадекватного употребления языка. Язык в таком случае можно интерпретировать как средство и инструмент исполнения социальной власти;

3) третья позиция объединяет две названные и рассматривает язык в первую очередь как *Sediment* – «осадок», «отложение» (в диахронии) либо как зеркало социальных отношений (в синхронии); одновременно предполагается, что язык порождает социальную реальность, стабилизирует её и передаёт из поколения в поколение. В этом случае позиция лингвистики – посредническая между языком и обществом¹.

В нашем исследовании мы исходим из понимания социолингвистики как науки, исследующей механизмы языкового изменения, обусловленного причинами внешнего, социального порядка. Язык рассматривается не как абстрактная знаковая система, а как общественное явление. У истоков социологического направления в лингвистике стоит А. Мейе. Изменения в языке он связывал с социальными условиями существования носителей, поскольку сам язык существует только благодаря обществу. В дальнейшем появилось целое поколение лингвистов-социологов, внесших значительный вклад в изучение языка в общественном аспекте, - Е.Д. Поливанов, Б.А. Ларин, А. Селищев и другие. Однако на первых порах механизм воздействия социальных факторов на язык интерпретировался недостаточно четко.

Наиболее полную характеристику факторов внешнего воздействия дал Ю.Р. Дешериев. Согласно его определению, социальный фактор – это системно организованные социальные действия разной структуры в обществе. Социальный фактор может быть представлен идеей или целостной концепцией, которые влияют на язык в целом, определяют его судьбу, настоящее и будущее. Социальный фактор влияет и на отдельные элементы языка (изменение смысла слов, идеологии языка, например, русск. *совет* в значении органа государственной власти). Социолингвистическое исследование определяет, в том числе, и степень конкретного влияния социальных факторов на явления и элементы всех уровней структуры языка (лексико-семантического, фонологического, морфологического, синтаксического и стилистического)². К числу социальных факторов можно отнести, в частности, языковую политику, социально-экономическую формацию и пр. Социальные факторы влияют на языковое поведение говорящих и включают в себя определенный уклад жизни, специфические формы коммуникативного общения, характерный жизненный опыт тех или иных говорящих. Они могут быть как биологической, так и демографической природы. Различия пола, возраста, места проживания, уровня образования и т.п. имеют следствием и другое социальное окружение, и, значит, другое языковое поведение.

Итак, проблемы изучения языка в социолингвистическом плане могут быть сведены к следующим:

- 1) изучение влияния социальных факторов на использование языковых средств, то есть на функционирование языка в обществе;
- 2) изучение влияния социальных факторов на структуру языка: на набор языковых средств и их взаимоотношения друг с другом.

Объектом исследования социолингвистики является социальная вариативность, в качестве единицы исследования выступает социальный диалект, представляющий собой язык социального слоя или группы, особенности которого проявляются на всех уровнях структуры языка. Другими словами это можно сказать так: кто говорит (социальная, региональная, половая, возрастная характеристика говорящего); на каком языке (характеристика языковых особенностей говорящего); в какой момент (характеристика эпохи в целом); с кем и с какой целью (ситуация и тема общения). По мнению В.Д. Бондалетова, природа социальных диалектов – в социально-сословной, профессиональной, социально-возрастной и социально-половой (или профессионально-половой) разобщенности общества. Территориальная неоднородность языка дает его “горизонтальное” членение (территориальные диалекты), социальная неоднородность – его “вертикальное” членение (социальные диалекты). Общей чертой всех языковых образований, включаемых в категорию социальных диалектов, является ограниченность их социальной основы: они выступают средством общения отдельных социально-сословных, производственно-профессиональных, групповых и возрастных коллективов, а не всего народа (как литературный язык) и не всего региона (как территориальные диалекты)³. А.Д. Петренко подчеркивает, что социолект выступает в качестве определенного варианта по отношению к кодифицированной норме, будь то литературный язык, разговорные разновидности или местный диалект. В рамках же конкретной социально-речевой общности он представляет собой некодифицированную норму языкового общения, реализуемую в разнообразных коммуникативных ситуациях коллективом говорящих, объединенных совокупностью общих социальных признаков⁴.

Современный этап развития социолингвистики характеризуется интенсивными политическими и экономическими изменениями в жизни общества, которые приводят к изменению языковой ситуации. Распад СССР и всего социалистического лагеря в целом, повлекший за собой разрушение прежней социально-классовой структуры и перемену экономической политики; ослабление государственного контроля над средствами массовой информации и их демократизация, в результате чего изменилось соотношение нормированного и ненормированного элементов в речи. Языковая ситуация в Западной Европе также меняется в процессе объединения Германии и создания Европейского Союза. В центре внимания социолингвистов оказываются такие проблемы, как языковая политика в новых государствах; социальное расслоение говорящих и связанная с ним языковая вариативность; двуязычие и многоязычие, и др. Иными словами, необходимо ответить на ряд вопросов, например: насколько каждый отдельный говорящий способен сменить (неосознанно) один “язык” на другой в зависимости от того, является ли он носителем одного или двух / нескольких языков; какой из релевантных внеязыковых факторов преобладает в данной коммуникативной ситуации, то есть, например, какова речь одного и того же лица на рабочем месте и в кругу семьи; со своими сверстниками и с людьми старше или моложе себя; как женщина говорит с женщинами и как – с мужчинами и т.д. Языковая деятельность характеризуется, таким образом, динамическим сосуществованием и взаимопроникновением языковых форм, обусловленных региональными, социальными, половыми, ситуативными, стилистическими и другими различиями.

Современное социолингвистическое исследование не может обойтись без детального изучения внеязыковых параметров и их воздействия на языковые формы и их употребление. К основным внеязыковым параметрам относятся:

- 1) класс / слой;
- 2) возраст / социальный возраст;
- 3) пол;
- 4) группа (по интересам или роду деятельности, например, спортивные /верховая езда, футбол/, религиозные группы и секты /православные христиане, католики, протестанты, мормоны, свидетели Иеговы/, наркоманы и дельцы наркобизнеса, skinheads и т.п.);
- 5) социальная роль (учитель – родители, мать – ребенок, врач – пациент и т.д.);
- 6) коммуникативная ситуация (например, общение подчиненного с начальником в официальной обстановке и в неофициальной или полуофициальной, к примеру,

посещение г-ном X своего начальника, где тот - без ролевых символов – галстука, костюма и т.п.).

Языковое поведение, обусловленное спецификой социального слоя, пока еще относительно мало изучено отчасти из-за того, что эмпирический доступ к социально нижним слоям сложен. В качестве объектов исследования во время анализа конкретного речевого поведения служат чаще всего лица или группы лиц, которые лично близки исследователю или знакомы ему по службе. Как правило, и те, и другие представляют более высокие профессиональные и социальные слои. Хотя параметр класс / слой не рассматривается сегодня обособленно от других внеязыковых факторов и не относится к центральным темам социолингвистических исследований, в косвенной форме он широко представлен в сфере исследования городской речи. В рамках различных исследовательских проектов (в частности, в Берлине – Н. Диттмар и др.; в Маннгейме – К. Бауш; в Нью-Йорке – У. Лабов) в последние годы город исследуется как социальное жизненное пространство в его разнообразных воздействиях на коммуникативные структуры, формы межличностного общения и речевое поведение жителей города, при этом предпринимаются длительные наблюдения за различными возрастными и социальными группами, проводятся полевые исследования в старых и новых районах города.

Весьма актуальным остается исследование влияния возраста говорящих на их речевое поведение, которое исследовалось до сих пор преимущественно в рамках работ об особенностях языка молодежи (Л.И. Прокопова, А.Д. Петренко, Х. Хенне, М. Хайнеманн, Г. Эманн и др.). Интересными аспектами в данных исследованиях являются формы языкового самовыражения, выражения своего «Я» по отношению к «своим», то есть, членам группы, и к «чужакам». Языковая конкретизация молодежного языка находит свое выражение в словарном употреблении (например, выражения для передачи эмоций, усилительные частицы – *echt, total*; для обозначения лиц – *Softi, Macho, Fischkopf, Biene, Bulle*, а также в доминирующих среди молодежи областях – поп-музыке, танцевальной культуре), при языковом оформлении коммуникативных ситуаций (приветствия, шуточная манера речевого поведения), в инвентаре метафорических оборотов, формальных фраз и изречений-нонсенсов, в тонких нюансах при произнесении англицизмов и т.п.

Подобные исследования исходят из предположения, что, поскольку представители одной возрастной группы отличаются от другой своим жизненным опытом и укладом, то они будут отличаться друг от друга и по своему языковому поведению. По мнению А. Линке и М. Нуссбаумера, должно существовать нечто вроде специфических „языковых миров“, соотносящихся с тем или иным возрастом. Мир школьных будней и молодежное времяпрепровождение отличаются от „взрослой“ заикленности на профессии и карьере, так же как будни семьи с маленькими детьми отличаются от будней пенсионеров, не имеющих уже подобных забот и обязанностей, из чего вытекает, что под „возрастом“ следует понимать социальный возраст. В молодежной социологии в этом смысле можно говорить (в отношении Европы) о „продленной юности“, имея в виду, например, тот факт, что молодые люди сегодня дольше находятся в стадии „незрелости“, так как понятие „взрослый“ нельзя ограничить только лишь возрастным пределом в 18 или 20 лет, а следует учитывать и такие факторы, как законченное образование, наличие собственной семьи, финансовая независимость, собственная квартира и т.п.⁵. С социолингвистической точки зрения интерес представляет то, насколько таким социальным возрастным фазам соответствуют действительно специфические формы языкового поведения, либо насколько состояние молодости отражается в соответствующем языке молодежи, а не только в определенных формах поведения или одежды.

Другая область очень интенсивных исследований, ориентированных на практическое применение, занимается особенностями языкового / речевого поведения в учреждениях и, прежде всего, в ситуациях общения служащих учреждения и граждан / посетителей учреждения (например, в типичной модели „жалобы / претензии“ – „беседы / консультации“). Конечной целью подобных исследований является разработка на лингвистической основе конкретных предложений по соответствующему обучению служащих учреждений. В этой связи встает проблема „языковых барьеров“, так как консультанты и консультируемые (посетители, клиенты) часто обладают не одной и той

же языковой вариативностью (в пределах немецкоязычных стран, например, невладение диалектом или, наоборот, литературным языком).

С „языковыми барьерами“ связана также область исследования так называемых „языков иностранных рабочих“. Объектом подобных исследований в Германии (к примеру, Г. Малера, Н. Дитмара, В. Клайна и др.) является, в частности, речь детей иностранных рабочих, которые в своем семейном кругу чаще всего говорят только на родном языке – греческом, итальянском, испанском; в общении / игре с другими детьми они используют как местный диалект, так и социолект немецкоговорящих детей рабочих; в школе они часто сталкиваются с резко отрицательным отношением к своему родному языку. С другой стороны, исследуется языковая ситуация в гетто взрослых иностранных рабочих и делается попытка посредством лингвистического анализа немецкого языка иностранных рабочих противостоять негативной оценке этой группы меньшинств. „Ломанный немецкий язык“ иностранных рабочих воспринимается носителями немецкого языка как выражение языковой несостоятельности, недостаточной интегрированности и часто интерпретируется как признак принадлежности к низшему слою.

Социолингвистические исследования (в области немецкого языка наиболее важными оказались, прежде всего, исследования в рамках Гейдельбергского исследовательского проекта под руководством Н. Дитмара) языковых вариативностей иностранных рабочих смогли показать, что эти языки не следует рассматривать как недостаточные (*defizitär*), поскольку они представляют собой по отношению к комплексной грамматической системе немецкого языка сокращенную, но системно-замкнутую в себе вариативность; их «ошибки» носят регулярный характер, они функционально хорошо приспособлены к ситуациям их применения.

Следующую важную область социолингвистических исследований с самыми разными аспектами представляет собой соотношение диалекта и литературного языка (К. Розенберг, В. Беш, Р. Визингер и др.). Конкретнее - это вопрос о том, какие социальные, ситуативные и функциональные условия необходимы для выбора диалектной либо более или менее литературной формы. Постановка вопросов меняется в зависимости от региона, в котором проходит исследование, она будет разной, например, для регионов со средней диглоссией и для диалектных районов ФРГ, где между чистым диалектом и литературным стандартом есть еще много ступеней более или менее диалектально окрашенного употребления языка.

Данные исследования обязательно учитывают и сильное воздействие фактора ситуации на выбор языковых форм, проявляющееся в языковых сообществах, где говорящие владеют двумя и более языками (например, жители Швейцарии или испано-американские билингвальные пуэрториканские иммигранты в Нью-Йорке). В зависимости от типа ситуации реализуется один из двух или нескольких языков / языковых форм, происходит так называемая смена кода (*code-switching*) – переход из одной вариативности в другую, чаще всего абсолютно автоматически. Некоторые ситуации однозначно, другие менее однозначно подчинены определенной языковой форме (например, просьба учительницы гимназии на уроке немецкого языка открыть окно звучит на диалекте или швейцарском немецком, сигнализируя о том, что это не входит в ситуацию – официальную - урока). На выбор между диалектом и литературным языком или разговорной разновидностью языка в любом случае оказывает влияние место проживания и место работы (и часто связанная с этим ситуация ежедневного курсирования «туда и обратно»- так называемая *Pendlersituation* в Германии; ср. также ежедневный проезд в российских электричках сельчан, работающих в городе), уровень образования, возраст, половая принадлежность говорящих и, конечно, наличие положительного / отрицательного отношения к диалекту. Повсеместная установка на овладение литературной нормой и употребление ее в школе и других сферах не мешает, однако, проникновению диалектных форм в такие типы текстов, как информационные радиопередачи, реклама, брачные объявления и т.д. Диалект находит все большее применение (например, в Баварии, Баден-Вюртемберге) как нечто родное, традиционное, как средство, создающее и укрепляющее региональную идентичность.

Основой для новой области социолингвистических исследований (в 70-е годы) стало признание того, что половая принадлежность оказывает определенное воздействие на речь говорящих и должна интерпретироваться не только как биологический, но и как социальный фактор. Первые попытки в этом направлении еще в 20-е годы сделал О. Йеспersen; позднее исследования речевого поведения женщин и мужчин продолжили - в американской и немецкой лингвистике – П. Траджилл, Р. Лакофф, Г. Видмар и К. Теландер, К. Шмидт и др.; в отечественной – А.И. Земская, Н.А. Потапов, Т.Б. Крючкова, а в последние годы, в частности, – А.Д. Петренко (см., например, соответствующий раздел монографии «Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии»⁶).

Данные исследования обнаруживают, в частности, следующие различия в языковом / речевом поведении женщин и мужчин:

1) В тембре голоса, произношении звуков, интонации. Женщины легче, чем мужчины, приспосабливаются к социальным нормам и ожиданиям как в отношении стандартного литературного (в городе), так и диалектно окрашенного (в сельской местности) произношения. Их голос обычно тише и имеет характерные «женские» интонационные характеристики. Существование данных различий делает возможным с большой степенью точности по голосу различать среди детей мальчиков и девочек, голоса которых биологически еще не сформировались. Новые исследования показывают, что различия в средней частоте мужских и женских голосов только частично можно объяснить биологической природой. По мнению исследователей, высокие женские голоса и более низкие мужские не всегда объясняются биологически обусловленным «передвижением голоса» в рамках диапазона. Женщины и мужчины используют его неравномерно, односторонне: мужчины – нижнюю часть, женщины – верхнюю часть частотного диапазона. Таким образом, происходит необязательная, но подчеркивающая социальные стереотипы пола поляризация голосов мужчин и женщин.

2) В выборе слов и лексиконе. Женщины часто говорят «более изысканно», чем мужчины, они избегают крепких выражений или используют ослабленные формы. В употреблении профессиональной лексики мужчинами и женщинами также проявляются различия, обусловленные разными сферами жизнедеятельности и опытом.

3) В построении предложений. В письменной речи женщины по сравнению с мужчинами проявляют склонность к более выраженному вербальному построению предложений, к более коротким предложениям, к синтаксическим конструкциям, характерным для разговорной речи.

4) В характере речевого поведения в процессе общения. Женщины более кратки в своих высказываниях, они реже предлагают темы общения, их чаще перебивают. Причиной этого, вероятно, является тот факт, что женщины стремятся обычно избегать конфликтов, ориентируясь на настроение собеседника и принимая предложенную им тему или разделяя его точку зрения.

Таким образом, уместно говорить о выделении мужского и женского стиля употребления языка (либо о мужской и женской вариативности), что, однако, не исключает существования мужчин, склонных к «женскому» языковому стилю, и наоборот, женщин с типично «мужским» стилем языкового поведения, так как наблюдаемые различия определяются в первую очередь социальными причинами.

В последнее время предпринимаются отдельные попытки исследования истории развития языка в социолингвистической перспективе. Данное направление получило название историческая социолингвистика. Ее целью является исследование развития языка в зависимости от социального и общественного развития, и, если это вообще возможно, реконструирование характерной для прошлых эпох языковой вариативности (слоя и группы). В отношении ранних ступеней языкового развития, например, средневерхнемецкого (XI – XIV вв.), это возможно лишь в малом объеме, так как сохранившиеся до сегодняшнего дня источники дают незначительную информацию о спектре языковой вариативности. Напротив, на более поздних ступенях истории развития языка (XIX – XX вв.) имеется достаточно свидетельств в виде текстов, которые делают возможной реконструкцию (или хотя бы первые шаги в этом направлении) форм употребления языка различными социальными слоями. Подобные исследования открывают новые возможности в исследовании механизмов языкового изменения.

Наблюдающийся сегодня процесс «социолингвизации» традиционных языковых научных направлений (диалектологии, исследования особых языков или языковых контактов) осложняет четкое определение границ деятельности социальной лингвистики. В данной статье была предпринята попытка дать обзор проблем и перспектив социолингвистического исследования, отталкиваясь от центральных специальных понятий социолингвистики.

Литература

1. Linke A., Nussbaumer M., Portmann P.R. Studienbuch Linguistik. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1994. – S. 311.
2. Дешериев Ю.Д. Теоретические аспекты изучения социальной обусловленности языка. // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. – М., 1988. – С. 7, 10.
3. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. – М.: Просвещение, 1987. – С.68.
4. Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. – К.: Рідна мова, 1998. - С.36.
5. Linke A. Указ. соч. - S.312.
6. Петренко А.Д. Указ. соч. – С. 64-72. См. также: О.Д. Петренко, Е.Ш. Исаев, Д.О. Петренко. Мова чоловіків і жінок як одиниця соціолінгвістичного дослідження. // Мовознавство. Науково-теоретичний журнал інституту мовознавства ім. О.О. Потебни та інституту української мови НАН України. К., 1999, № 1. - С. 64–70.